

**Известия Таврической
ученой архивной комиссии**

Книга 39

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
ИЗЗ

ИЗЗ Известия Таврической ученой архивной комиссии: Книга 39 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 149 с.

ISBN 978-5-517-93185-6

Таврическая Учёная Архивная Комиссия регулярно публиковала сборник трудов «Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии» (ИТУАК). Всего, с 1887 по 1920 годы, было выпущено 57 томов этого издания, в которых было опубликовано более 400 научных статей, исторических документов, археологических находок. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1906 года.

ISBN 978-5-517-93185-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Изъ исторіи сношеній Москвы съ Крымомъ при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ.

Посольство С. И. Тарбѣева въ Крымъ 1626—1628 г.г.

*(Московский Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ
Дѣлъ. Крымскія дѣла 1628 г. Генварь—Декабрь, № 1).*

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, среди Крымскихъ дѣлъ, находятся отписки и челобитныя въ посольскій приказъ посланника Степана Ивановича Тарбѣева и ѣздившихъ съ нимъ дворянъ—Петра Ивановича Савелова¹⁾ съ товарищи. Хотя они и не даютъ чего-либо новаго въ области сношеній Москвы съ крымскими ханами въ 1-ой половинѣ XVII вѣка, но представляютъ весьма яркую картину тогдашняго быта и условій, при которыхъ совершались эти сношенія.

Сообщая важнѣйшія изъ этихъ отписокъ и челобитныхъ, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько вступительныхъ словъ. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ сборовъ въ путь посольства. Эти подробности всегда были однѣ и тѣ же и всегда сопровождались всевозможной волокитой и, конечно, мѣстническими спорами. Посольство Тарбѣева выѣхало изъ Москвы не сразу; въ концѣ августа или въ самомъ началѣ сентября 1626 года выѣхалъ самъ Тарбѣевъ и при немъ первая посылка, состоявшая изъ 10 человекъ кречетниковъ, сокольниковъ и ястребниковъ во главѣ съ Андреемъ Дмитриевымъ, а спустя нѣкоторое время тронулась въ путь и вторая посылка во главѣ съ Петромъ Савеловымъ. Сборнымъ пунктомъ былъ г. Валуйки²⁾, гдѣ производился всегда „розмѣнъ“ пословъ; здѣсь начинались степи, и московское посольство поступало уже подъ охрану татаръ.

Изъ Валукъ посольство выступило поздно осенью или въ началѣ зимы, такъ какъ Петръ Савеловъ въ своемъ

¹⁾ Отецъ будущаго Московскаго патриарха Іоакима.

²⁾ Нынѣ уѣздный городъ Воронежской губ.

челобитьи говорить, что началась стужа и пошли снѣга. Какъ только наши путешественники перешли Донецъ, у нихъ вышло недоразумѣнiе съ татарскимъ конвоемъ, во главѣ котораго стоялъ князь Алей Сулешевъ съ 11 мурзами, которые пожелали получить подарки, кромѣ положенныхъ по условiю, обѣщая идти „дорогою тихо“ для того, чтобы посольству было „покойно и не надсадно“; но Тарбѣевъ, зная манеру татаръ, отказалъ имъ, сказавъ, что на то нѣтъ Государева указа, и что въ Валуйкахъ они уже получили по положенiю „розмѣнное платье“. Результаты этого отказа были для посольства весьма печальные, такъ какъ мурзы „осердясь шли до Крымскихъ улусовъ день и ночь“, почему, по словамъ Тарбѣева и его товарища подъячача Ивана Басова, „подъ арбачѣи и подъ людипками нашими погоняли лошади и арбачѣевъ и людипекъ нашихъ били и водили насъ по горамъ и по ржавцамъ, и лошади въ телѣгахъ многія стали и дорогою розметали, и подъ государеву казну и подъ свои телѣженки лошади у татаръ нанимали дорогою цѣною“. Но кромѣ этой гоньбы московскому посольству приходилось нерѣдко переживать еще болѣе тяжелыя минуты, опасаясь не только за цѣлость царской казны и подарковъ, но и за собственную жизнь, такъ какъ князь Сулешевъ шелъ „дуростью великою и во всемъ зло дѣлалъ и всполохъ чинилъ частой, а всполохавъ бѣгалъ съ остальными мурзами въ сторону“. Несмотря на великую дурость князя Сулешева и частые всполохи, посольство достигло первыхъ татарскихъ улусовъ, сохранивши въ цѣлости царскую казну и посылаемые поминки, понеся лишь довольно значительный уронъ въ конскомъ составѣ (судя по словамъ П. И. Савелова, посольство потеряло во время этого перегона 31 лошадей).

Добравшись до первыхъ улусовъ, посольство приступило къ исполненiю своихъ дипломатическихъ порученiй и начало разспрашивать у татаръ и у полонянниковъ о крымскихъ дѣлахъ: „гдѣ Магметъ Гирей царь и калга Шан-Гирей царевичъ, въ Крымѣ, или въ войнѣ въ Турской или въ Литовской землѣ, или съ Турскимъ царь и калга помирились, и гдѣ нынѣ прежней Джанбѣкъ Гирей царь и калга Девлетъ Гирей царевичъ, и нѣтъ ли съ ними гдѣ въ сборѣ воинскихъ людей, и будетъ есть, и какио люди и много ль ихъ, и что ихъ умышленье, и крѣпокъ ли на Крымѣ Магметъ Гирей царь и калга Шанъ-Гирей ца-

ровичъ и осенью и сеѣ зими въ Польской и въ Литовской землѣ война отъ Крымскихъ людей была ль“ и т. д.. Отвѣты получались самыя подробныя, и между прочимъ наши посланники узнали, что „царь де и калга Крыма не прочетъ, богатыхъ людей и жидовъ грабить“, и что „на лѣто де ѣдутъ въ Крымъ прежнего Джанбѣкъ Гирѣя царя з братомъ“, и хотя турецкой султанъ и писалъ къ крымскому царю и къ калгѣ, чтобъ они шли воевать Литовскую землю, но что „крымской царь хочетъ посылать въ Литву воевать сеѣ зими лучшихъ своихъ мурзъ Гулика князя Дивѣева съ товарищи, а самимъ имъ въ войну не бывать, боятца турскова, чтобъ безъ нихъ на Крымъ не прислалъ Джанбѣкъ Гирѣя царя; а Джанбѣкъ-Гирея царя и калгу Девлетъ Гирея царевича турецкой царь на лѣто хочетъ отпустить на Крымъ“. Эти свѣдѣнія оказались вѣрными. Дѣйствительно на слѣдующее лѣто Крымскій юртъ былъ вновь во владѣніи Джанбѣкъ Гирея, изъ чего можно заключить, что дипломатическую миссію московское посольство исполнило не дурно, такъ какъ, повидимому, свѣдѣнія, сообщенныя имъ въ Москву, были вѣрны. Только 19 октября 1627 г., т. е. болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ выхода изъ Москвы, Гербѣевъ достигъ Перекопа, гдѣ пробылъ сутки и двинулся дальше; 27 октября посольство было встрѣчено Сееръ-Газы-агой, который привелъ отъ хана лошадей, а 30 октября оно наконецъ вступило въ Яплавъ, конечный пунктъ путешествія нашихъ посланниковъ.

Но успѣли наши посланники пріѣхать, какъ ихъ со всѣхъ сторонъ окружили приближенные и родственники хана съ требованіями подарковъ. У Гербѣева съ утра до ночи а иногда и ночью толкутся посланные отъ всевозможныхъ царевичей, царицъ, князей, мамокъ и т. п., и всѣ они торгуются и требуютъ большаго, чѣмъ имъ положено по росписи, при чемъ грозятъ, лаютъ и безчестятъ посольство. Посылаетъ Гербѣевъ поминки какому-нибудь ханскому казначею или конюшему, а тотъ ихъ не принимаетъ и возвращаетъ назадъ, требуя вдвое и себѣ и своимъ слугамъ; наши посланники клянутся, что у нихъ больше нѣтъ, но имъ не уступаютъ, и они, чтобъ государеву дѣлу поруки какой не учинить, накидываютъ еще нѣскольکو собольихъ или куньихъ шубъ, увѣряя, что это прибавлено изъ ихъ собственной рухляди. Но и это не помогаетъ,—крымскіе сановники твердо удерживаютъ свои позиціи, и мос-

ковскому посольству приходится уступить и исполнить требованія жадныхъ хозяевъ Крыма.

6-го ноября была назначена аудіенція у Магометъ Гирея, при чемъ наше посольство было особенно озабочено, чтобы при приѣмѣ не было никого изъ чужеземныхъ пословъ или гонцовъ, и настояло на томъ, чтобы при разговорѣ съ царемъ не надо было стоять на колѣняхъ.

Послѣ обмѣна первыми привѣтствіями и принявши царскіе подарки, Магометъ Гирей сталъ выговаривать по словамъ: „Государь въ грамотахъ своихъ и послы ево рѣчью мнѣ хорошо говорятъ, только де не то дѣлается съ ево государевы стороны, Астараханскіе люди и Донскіе казаки въ Крымскихъ юртехъ людей емлютъ и побиваютъ и лошади и животину отгоняютъ, а государь де ихъ не уймаеть, какая де государя вашего ко мнѣ правда, только де меня грамоты своими и послы ево рѣчью утепаютъ“. На это обвиненіе Тарбѣевъ и Басовъ отговаривались тѣмъ, что на Дону „живутъ воры, боярскіе холопы, збѣжавшіе отъ своихъ бояръ“, „тати и разбойники, убѣжавшіе отъ смертныя казни“, и что кромѣ русскихъ воровъ тамъ и „татаровя и литва и черкасы“, и что государь за тѣхъ воровъ не стоитъ, да и смиритъ то тѣхъ воровъ невѣдомо какъ, потому живутъ кочевнымъ обычаемъ не въ одномъ мѣстѣ, и тутъ же предъявили хану и свои обвиненія и просили Магометъ Гирея, чтобы онъ „такожь государскую братцкую дружбу и любовь соверпалъ, по томужь заказъ учинилъ крѣпкой, чтобы Крымскіе и Азовскіе и Казыева улусу и Дивѣева родства мурзы и улусные люди на Государевы Украины войною не ходили и людей въ полонъ не имали, а твои царевы люди на государя нашего землю приходятъ безпрестани, Государевымъ Украинамъ тѣсноту чинятъ ежелѣтъ отъ весны и до зимы, людей побиваютъ и въ полонъ емлютъ...“. Но у хана была также отговорка, какъ и у московскихъ посланниковъ: „то молъ во всемъ виноваты Азовцы и Козыевскіе воры, а я про то не вѣдаю, они бсѣз моего вѣдома своровали, а крымскіе де люди въ Русь войною не ходятъ. Язъ-де Казыевъ улусъ уйму, а государь бы вашъ унять велѣлъ Астараханскихъ людей и Донскихъ казаковъ з Дону велѣлъ свестъ...“

Въ такихъ взаимныхъ упорахъ прошла бесѣда нашихъ посланниковъ съ ханомъ, который впрочемъ обѣщалъ имъ скорый отпущекъ.

На другой день началась опять прежняя волокита, прежнія недоразумѣнія изъ-за подарковъ.

Первое крупное недоразумѣніе возникло изъ-за ханскаго сына царевича Ахметъ Гирей, находившагося въ это время яко бы въ Царьградѣ, имени котораго не было въ росписи подарковъ, привезенныхъ московскими послами. Съ вопросомъ о подаркахъ для Ахметъ Гирей провозились нѣсколько дней. Одна сторона грозила въ случаѣ упорства взять силой и вдвое больше, чѣмъ требовалось вначалѣ, другая отговаривалась неимѣніемъ этихъ подарковъ и находила, что „Магометъ Гирѣй царь къ великому государю нашему не любовью оказываетца, а развратьемъ“; но разговоры и брань не помогали, приходилось раскошелиться и давать безъ конца всѣмъ, кто бы ни явился за поминками, такъ какъ поддержкою имъ былъ всегда самъ ханъ, съ которымъ приходилось считаться и уступать всѣмъ назойливымъ требованіямъ, „не хотя Магметъ Гирей царя рожигивать и чтобъ въ Государевѣ дѣлѣ поруки какой не учинить“.

Такъ проходили мѣсяць за мѣсяцемъ, и картина жизни нашего посольства было все та-же: татары требовали себѣ поминковъ, посланники отказывали, но затѣмъ, видя, что все равно придется уступить, посылали подарки съ толмачемъ; татары ихъ возвращали, съ оскорбленіями бросали въ лицо нашихъ посланниковъ, требовали большаго и въ результатѣ всегда получали желаемое.

Нѣсколько не въ обычномъ порядкѣ шли переговоры съ царевичемъ Нурадинъ Азаматъ Гиреемъ, который въ памяти, написанной къ московскимъ посланникамъ относительно необходимыхъ ему подарковъ, назвалъ царя Михаила Ѳедоровича королемъ, что дало право Тарбѣеву обидѣться и надежду хотя бы Азаматъ Гирейю не дать того, что тотъ требовалъ, почему онъ и объявилъ посланнымъ царевича, что „Азаматъ Гирей царевичъ къ великому государю нелюбовью оказывается, не дружбою, пишеть въ памяти своей великаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи самодержца королемъ и великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи королевства не отъ такова царевича не захочеть слышать, служатъ ему великому государю многихъ государствъ цари и царевичи и королевичи, а Азаматъ Гирей царевичъ такъ пишеть великому государю

либо простотою своею, или будетъ съ государемъ въ дружбѣ быть не хочеть“. Но обмолвка царевича не принесла никакой пользы, такъ какъ послѣ ежедневныхъ переговоровъ и взаимныхъ угрозы въ теченіе 16 дней вмѣшался въ дѣло ханъ, и нашимъ посланникамъ пришлось къ назначеннымъ по росписи подаркамъ прибавить „2 шубы кунныхъ, двѣ шубы бѣлыхъ хребтовыхъ, 8 шубъ черевыхъ, четверы цки хребтовыхъ, четверы цки черевыхъ, четыре пары соболей“; хотя для своего утѣшенія они и заявили, что даютъ изъ своихъ животипковъ, но это, конечно, нисколько не тронуло царевича.

Прошло 6 мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ появилось въ Крыму московское посольство, но никакихъ другихъ разговоровъ, кромѣ какъ о подаркахъ, не было. Но за это время событія въ Крыму сложились такъ, что Тарбѣву съ товарищи пришлось, пожалуй, съ сожалѣніемъ вспоминать о прошедшихъ дняхъ, когда ихъ всячески лаяли и поносили. Дѣло въ томъ, что свѣдѣнія, полученные еще осенью о возможности появленія въ Крыму бывшаго хана Джанбекъ Гирея, оказались вѣрными, и нашему посольству пришлось неожиданно спастись бѣгствомъ въ жидовскій городокъ.

Вотъ какъ описываютъ Тарбѣвъ и Васовъ свои дальнѣйшія походы въ донесеніи государю:

„И апрѣля, государь, въ 30 донѣ на свѣту царь прислалъ къ намъ и велѣлъ бѣжать на спѣхъ въ жидовской городокъ, что Канъ-Темиръ пришелъ со всѣми людьми на Олму отъ Яшлова двѣ версты. И мы холопы твои пометавъ многую рухледишко свое и запаснишко побѣжали на спѣхъ; а что твое государовы рухледи ухоронено было отъ грабежу, пороспродали кречатникамъ и арбачѣмъ вестъ; и какъ, государь, будемъ противъ Бакчисарай, и Алгазы ага выслалъ къ намъ людей своихъ и велѣлъ намъ ѣхать со всѣмъ къ себѣ на дворъ да в казаки бѣ де были у васъ съ ружьемъ. И мы холопы твои отказали и побѣжали въ жидовской городокъ, и Алгазы ага насъ холопей твоихъ въ жидовской городокъ пущать не велѣлъ и ворота велѣлъ отъ насъ запереть. И мы стояли у жидовского городка половина дня, а Канъ-Темиръ за нами пришелъ точнасть, цари и калгу со всѣми людьми осадилъ, а самъ сталъ въ селѣ Выскиюрте¹⁾ и насъ въ жидовской городокъ одва пустилъ, и

¹⁾ Т. е. въ Эски-юртъ.

Канъ-Темиревы люди всегда приходя къ жидовскому городку хотѣли ключи у насъ поимать, и мы холопи твои изъ жидовского городка съ ними бились безпрестани а стоялъ Нурадынъ с Канъ-Темиремъ подъ Бакчисараемъ 3 недѣли и въ осадѣ государь мы помирали голодною смертю; а царь и калга запасу намъ не дали; и пришли государь къ царю и къ калгѣ на помочь тысячъ съ шесть запорожскихъ черкасъ, и Нурадынъ и Кантемиръ покинувъ свои станы со всѣми людьми ходили противъ черкасъ и съ черкасы отъ Бакчисарай версты съ четыре, на Алмѣ бой былъ весь день и убили у черкасъ гетмана Дороженка, а съ нимъ человекъ со сто черкасъ убили, а черкасы нагайскихъ людей человекъ съ двѣсти убили, а шли черкасы снарядомъ обозомъ и черкасы пришедъ стали въ Кантемиревыхъ станехъ, а Контемиръ пошелъ подъ Рафу (sic), а Нурадынъ побѣждалъ къ Бѣлугороду, а царь и калга черкасамъ давали жалованье многое денги и платья и лошади и у насъ холопей твоихъ и у толмачей и у кречетниковъ и у арбачѣвъ, калга прѣхавъ къ намъ въ жидовской городокъ самъ лошади поймалъ всѣ и роздалъ черкасамъ; и царь и калга съ черкасы и съ крымскими татараы пришедъ подъ Каю Кантемира побили и Кантемиръ да князь Петръ Урусовъ ушли въ Каю не со многими людьми, и Магметъ Гирей царь Каю осадилъ и билъ по Каю изъ норяду и приступомъ ходили. Юня, государь, въ 21 день подъ Каю моремъ пришли отъ Турского Джанъ бекъ Гирей царь да калга Девлетъ Гирей царевичъ, а съ ними 60 каторгъ да 20 кораблей и съ Магметъ Гирѣемъ царемъ и съ калгою съ Шанъ Гирѣемъ царевичемъ Джанъ Бѣкъ Гирей царь и калга Девлетъ Гирей царевичъ подъ Каюю бились, только Магметъ Гирей царь и калга Шанъ Гирей царевичъ имъ сильны были черкасы, и мы холопи твои послали подъ Каю Аигильдо Винюкова, а съ нимъ послали къ тебѣ государю отписку, что въ Крымѣ дѣлосъ твое государево дѣло и что межъ ихъ въ Крымѣ дѣлаецца, а велѣли промыслять, будетъ есть подъ Каюю Донские казаки, и тое бѣ отписку отдать Донскимъ казакамъ и велѣли Донскимъ казакамъ говорить, чтобъ они тебѣ государю послужили, отписку къ тебѣ государю повезли не мѣшкая. И Аигилдя, государь, прѣхавъ къ намъ, сказывалъ, что онъ воротился изъ Карасова, что изъ подъ Каюы крымские татаровя бѣгутъ въ лѣса, а сказывали ему тѣ бѣглые татаровя, что

крымскіе ближніе люди и всѣ крымскіе татаровя Магметъ Гирей царя и калгу покинули, и ближніе люди всѣ отѣхали къ Джанъ-Бекъ Гирею царю, а Магметъ Гирей царь побѣжалъ въ лѣсъ самъ третей, а калга съ черкасы поймавъ нарядъ пошолъ въ Запороги и Джанъ-Бекъ Гирей царь послалъ за нимъ калгу Девлетъ Гирей царевича и Кантемира со всѣми нагайскими и крымскими людьми и послѣ того намъ татаровя сказывали, что Шанъ Гирей царевича съ черкасы калга и Контемиръ дошли на степи и съ ними бились, шли за ними и ничего имъ не учинили, а Джанъ-Бекъ Гирей царь пришелъ въ Бакчисарай іюня въ 29 день.

А какъ, государь, отъ Бакчисарай Нурадынь и Кантемиръ побѣжали и покуда Джанъ-Бекъ Гирей царь въ Бакчисарай пришелъ, у крымскихъ татаръ межъ себя сѣча и грабежъ былъ безпрестани; а мы въ то время въ жидовскомъ городѣ въ осадѣ сидѣли и помирали голодною смертью, хлѣба печеного и никакого жита и мяса купить не добыли, траву и коренья коная ѣли; а гдѣ, государь, добудемъ другомъ изъ подарковъ купить, и мы, государь, купили четверикъ пшеницы въ 15 золотыхъ, а барана въ 10 золотыхъ, а яловицу въ 20 золотыхъ и больши, а воду, государь, покупали ведро въ два алтына. А лѣтось, государь, въ Крымѣ была засуха, хлѣбъ и сѣна не родился, а намъ Джанъ Бекъ Гирей царь велѣлъ изъ жидовского городка ѣхать на Яшловской станъ іюля въ 3 день, и сидѣли, государь, въ жидовскомъ городѣ въ осадѣ 9 недѣль, и что, государь, схоронено въ землю твой государевъ наказъ и росписи и деньги, что за расходомъ осталось и наши деньжишка и рухлядишко и твой государевъ наказъ и росписи выкопано изодрано въ лоскутки и розметано по станомъ, а деньги, государь, и наши деньжишка и рухлядишка все вынято жъ, и избенка, государь, наши, которые подѣланы были въ землѣ роскопаны и позжены; а какъ, государь, Джанъ Бѣкъ Гирей царь пришелъ въ Крымъ въ Бакчисарай и мы къ нему царю посылали толмачей каждый день, велѣли ближнимъ ево людямъ говорить, чтобъ твой государевы люди напрасно голодомъ въ Крымѣ не помирали; и царю, государь, въ тѣ поры было недосугъ, недѣли съ двѣ отпущалъ турскихъ людей, збиралъ полонъ у мурзъ и у татаръ и у жидовъ, давалъ турскимъ людямъ.

А какъ, государь, турскихъ людей царь отпустилъ, и

къ нему царю съѣхалось царевичи и Кантемиръ князь и всѣ князи и мурзы и Кантемира царь къ себѣ не пушалъ день съ 5, а велѣлъ ему царь шертовать, чтобъ онъ ему царю служилъ и велѣлъ де ему царь говорить, что ты скъзываешься въ Крымѣ другой царь и хотѣлъ ты Магметъ Гирея царя и калгу Шанъ Гирея царевича убить, а турской де царь тебя о томъ на Крымъ не посылалъ, что ихъ побить. И Кантемиръ Джанъ Бекъ Гирею царю шертовалъ и саблю де на себя передъ царемъ клалъ.

И Джанъ Бѣкъ Гирей царь ево пожаловалъ и отъ себя отпустилъ. И мы къ царю посылали толмачей, чтобъ царь велѣлъ намъ быть у себя, говорить о вашихъ государскихъ вопчихъ дѣлахъ, и царю было недосугъ, выбиралъ ближнихъ людей кому у него царя быть въ которомъ чину и на чье мѣсто; и учинилъ царь въ Алгазы агино мѣсто Усманъ агу, а и Алгазы ага у калги на Тат-Кирѣва княжое мѣсто, а Усманъ ага пришелъ съ нимъ царемъ изъ Царя города“.

Послѣ такихъ приключеній нашему посольству приходило вновь начинать переговоры съ новымъ ханомъ, при чемъ переѣна правителя влекла за собой новые расходы, такъ какъ около новаго хана были и все новые сазовники, которые требовали и себѣ поминковъ, не обращая вниманія на то, что все, что было привезено Тарбѣвымъ, было роздано ихъ предшественникамъ и что само посольство было, надо думать, въ очень незавидномъ состояніи, будучи ограблено и отсидѣвши 9 недѣль въ осадѣ.

По приѣздѣ въ Яшлавъ, посланники начали добиваться свиданія съ Джанбекъ Гиреемъ, но онъ отговаривался все недосугомъ, и только лишь 19 іюля объявилъ Тарбѣву, что если онъ желаетъ его видѣть, то долженъ поднести ему десять сороковъ соболей, двѣ шубы соболями, двѣ шубы куньихъ, двѣ пары кунидъ, 2 пары соболей добрыхъ. На этотъ разъ Тарбѣву приходилось искренно доказывать, что у него всего этого нѣтъ, такъ какъ онъ былъ ограбленъ Магметъ Гиреемъ, что, конечно, сознавалъ и самъ Джанбекъ Гирей и его приближенные, почему поминки были уменьшены, согласно заявленію Тарбѣва, и ему было разрѣшено поднести то, что онъ въ состояніи былъ купить на мѣстѣ, а подарки для Усманъ аги пришлось посулить въ будущемъ; иначе въ противномъ случаѣ ему грозили, что

ханъ его не приметъ и не разрѣшитъ послать въ Москву гонцовъ.

Нужно замѣтить, что если самому Тарбѣеву приходилось плохо, и онъ „живучи въ Крымѣ одолжалъ и проѣлся и къ Крыму поднятца было не чѣмъ“, то положеніе его 20 дворянъ было несравненно тяжелѣе; всѣ они принадлежали къ небогатымъ подмосковнымъ помѣщикамъ и получали помѣстные оклады въ 300—400 четей, а денежные отъ 7 до 18 рублей (18 руб. получаютъ только одинъ); съ которыхъ и должны были нести тяжелую службу конно, людно и оружно. Правда, отправляясь въ Крымъ, они получили подмоги по годовому жалованью да на запасъ по 2 рубля, но, принимая во вниманіе ихъ потери одними лошадьми (напримѣръ у Петра Ивановича Савелова погибло и отобрано было татарами 6 лошадей), не говоря уже о разпой „рухледнишки“, нужно признать, что положеніе ихъ дѣйствительно было почти безвыходнымъ, тѣмъ болѣе, что имъ неизвѣстно было, пожелаетъ ли правительство вознаграждать ихъ за понесенные на царской службѣ убытки и не потребуетъ ли оно уплаты по тѣмъ кабальнымъ письмамъ, которыми они въ обиліи снабдили Тарбѣева, что подробно излагаетъ въ своемъ челобитьи П. И. Савеловъ: „и какъ, государь, мы, холопи твои, побѣжали изъ Япцова въ зидовскій городокъ и бояся грабежу отъ нагайскихъ людей, которое, государь, у насъ было рухледнишко хоронили въ землю, и тое, государь, у насъ рухледнишко татаровя узнали, выкопали, и нынеча, государь, мы холопи твои въ Крымѣ умираемъ голодною смертію и ограблены; изъ Крыму, государь, намъ поднятца не на чемъ, а въ Крыму, государь, мы заняли изъ твоей государевой казны у твоего государева посланника у Степана Ивановича Тарбѣева да у подъячево у Ивана Басова на человѣка по тринадцати рублей съ полтиною денегъ, да мы жъ холопи твои заняли въ Крыму у царева гонца у Османа на человѣка по три рубля“¹⁾.

20-го іюля, наконецъ, состоялся пріемъ посланниковъ, которые здоровали Джанъ Бекъ Гирей царя на государствѣ его, на Крымскомъ юртѣ; ханъ, получивши предварительно подарки, обошелся съ Тарбѣевымъ и его товарищами ласково и сказалъ имъ, что „слышалъ де онъ отъ ближ-

¹⁾ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Дѣла Крымскія 1628 г. Связка 12, дѣло № 14.